

был вскоре создан «перший курінь червоного козацтва¹²⁸». Это и была та самая «чисто украинская» строевая часть, на формировании которой настаивал Антонов-Овсеенко.

Теперь для открытого выступления против Рады Народному секретариату требовался лишь формальный повод¹²⁹. И искать его долго не пришлось.

8.3.4.4. Выступление советских войск. Полтава. Екатеринослав. Круты

К концу декабря 1917 г. ситуация в Полтаве мало чем отличалась от той, которая сложилась в Харькове. Разница состояла лишь в одном: город располагался в стороне от пути следования советских отрядов, продвигавшихся к Дону из Центральной России и, соответственно, пришедших частей в нём не было. В том числе и по этой причине властные органы Рады действовали куда смелее, а Совет проявлял нерешительность и избегал любой активности. Однако в его составе нашлись радикальные элементы, и когда утверждённый Радой начальник гарнизона Ревуцкий развернул агитацию среди солдат, он неожиданно для всех был арестован сам.

В городе были расквартированы украинизированный 4-й полк и Виленское военное училище. Совет же в той или иной степени мог рассчитывать на поддержку расположенного в Миргороде сапёрного батальона в 2000 штыков и на солдат

¹²⁸ По свидетельству Е.П. Журавлёва, кроме трёхсот солдат 9-й и 11-й рот разоружённого 2-го полка ядро «Першого куріня» составили также и до четырёхсот харьковских рабочих-красногвардейцев. Что касается наименования, то оно было продиктовано желанием противопоставить формируемые национальные части ориентированному на Раду так называемому «вольному казачеству».

Разоружение 2-го Украинского полка произвело такое впечатление, что и Чигиринский Украинский полк, и несший караульную службу отряд поляков «1-го Польского революционного» полка, также сложили оружие по первому требованию. Войск, на которые могла бы опереться Рада, более в Харькове не оставалось.

¹²⁹ 27 декабря Народный секретариат издал распоряжение об упразднении губернских, уездных и городских комиссаров Центральной Рады с передачей всех дел и закреплённого за ними имущества Советам. Становилось очевидным, что конфликта с Радой не избежать.

авиапарка. Как видно, силы сторон были, по меньшей мере, равны. Но в Совете и даже среди большевиков преобладали люди, настроенные весьма умеренно. Любое обострение отношений с Радой представлялось им чреватым немедленным разгоном Совета вооруженной силой. В конце концов, Ревуцкий был освобождён¹³⁰.

С 14 декабря из Киева в Полтаву начали прибывать вызванные надёжные части: батальон георгиевских кавалеров и позже полк имени Богдана Хмельницкого. Подошёл также и блиндируемый поезд. Опираясь на верные Раде штыки, Ревуцкий перешёл от слов к делу. В городе начались обыски и аресты. В ответ один из анархистов, некто Дунайский, не имевший, кстати, никого отношения к Совету, застрелил в гостинице «Европейской» командира «богдановцев» Ластовченко, после чего Совет был разгромлен, и наряду с новыми массовыми арестами пошли уже и погромы. Оказать сопротивление «полтавские товарищи» так и не рискнули, да и время было упущено безвоз-

¹³⁰ Этот эпизод Д. Эрде описывает следующим образом: «Некий полковник Ревуцкий занялся провокацией. Среди русских авиационного парка, стоявшего в Полтаве, он распространял слухи, что 4 полк, состав которого по преимуществу был украинским, собирается разоружить авиационный парк. В 4 полку он вёл агитацию против авиационного парка, якобы имеющего намерение разоружить 4 полк. Эта провокация, чуть не приведшая к кровавой схватке, своевременно была раскрыта Маркусом и Каской, председателем комитета авиационного парка. Каска пользовался неограниченным влиянием и авторитетом в парке.

Когда провокация была обнаружена, Ревуцкий был арестован и предстал перед судом солдатской секции совета... Ревуцкий, защищаясь, доказывал, что большевизм чужд украинским массам. Солдатская секция была настроена весьма недружелюбно к этому полковнику, и его судьба была бы решена, если бы не вмешательство группы большевиков, считавших пока несвоевременным применять к контрреволюционерам высшую меру наказания... Этот же полковник Ревуцкий вызвал из Киева богдановцев, очевидно, с намерением покончить с советом. Около 20 декабря (ст. стиля) в Полтаву прибыл полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский совет встретил его с красными знамёнами. Богдановцы освободили Ревуцкого и начали хозяйничать в городе по-своему...»

К сказанному следует добавить, что упомянутый Каска (Антонов-Овсеенко называет иную фамилию – Каск), человек смелый и решительный, погиб впоследствии в бою при отчаянной попытке остановить немцев под Таганрогом.

вратно. Однако их представитель прибыл в Харьков и обратился за помощью в ЦИК Ук.

«29 декабря, – пишет Е. Бош, – Народный Секретариат принял решение выдвинуть на поддержку революционных масс Полтавы имеющиеся в распоряжении Советского правительства военные отряды». Всем, однако, было понятно, что военных отрядов имелось явно недостаточно, и бросить в бой с только что снятыми с фронта частями 300 солдат бывшего 28-го запасного полка и несколько сот необученных красногвардейцев было невозможно. Последнее слово оставалось за Антоновым-Овсеенко, который посчитал, что время пришло.

Тер-Арутюнянцу было направлено предписание стянуть с Юго-Западного, а по возможности, и с Румынского фронтов все боеспособные и готовые подчиняться приказам Ставки части и в нужное время направить на Киев¹³¹. Подразумевалось также развернуть наконец решительное наступление от Гомеля к Бахмачу. Кудинскому, на которого возлагалось руководство войсками продвигавшимися от Ворожбы, было приказано усилить отряд Знаменского, направив к нему до тысячи красногвардейцев с батареей из Брянска и до ста из Курска.

Из Харькова под прикрытием бронепоезда выдвигалась в эшелонах Красная гвардия а также и Червонное казачество Примакова. Командование сводным отрядом возлагалось на Му-

М.А. Муравьев
(в парадной форме
Старой армии)

¹³¹ Ещё 28 декабря Антонов-Овсеенко направил в ВРК VIII армии Юго-Западного фронта следующее обращение: «Народный комиссар по борьбе с контрреволюцией просит войти в связь с корпусным комитетом 2 гвардейского корпуса и комитетом 7 армии для оказания указанному корпусу содействия при продвижении его на юг по направлению к Знаменке. Просим также немедленно прислать вашего представителя в штаб народного комиссара в Харьков для установления связей».

Аналогичное отношение, предлагающее направить делегата для установления связи и координации действий в тот же день было направлено им и в ВРК Румынского фронта.

равьёва¹³². Одновременно к Полтаве от Лозовой должен был наступать и П.В. Егоров.

На подготовку столь масштабной операции Антонов-Овсеенко отводил неделю. Однако события уже набрали ход и опережали самые смелые планы. В тот день, когда Народным секретариатом принималось принципиальное решение о наступлении, в Екатеринославе Советы уже праздновали победу.

В отличие от полтавских и даже харьковских советских работников «екатеринославские товарищи» настроены были, куда решительнее. В 20-х числах декабря их представители побывали в штабе у Антонова-Овсеенко, где договорились о совместных действиях. Выступление против Рады запланировано было на 28 декабря. К этому времени к городу должен был подойти и отряд П.В. Егорова с бронепоездом. «Но, как часто бывает, – пишет Антонов-Овсеенко, – самая подготовка восстания вызвала наружу накопленную энергию, и события разыгрались значительно раньше. Провокационные действия со стороны гайдамаков вызвали рабочих Брянского завода на отважное выступление. Вечером 8-го января¹³³ они захватили и угнали на завод гайдамацкий броневик.

Гайдамаки на следующий день предъявили ультиматум рабочим, требуя выдачи броневика и всего оружия. После отказа,

¹³² Отношения, сложившиеся между Муравьевым и Антоновым-Овсеенко, последний характеризует так: «...сознание своей подчинённости мне его чрезвычайно тяготило. Ему хотелось вырваться из тех шор, в которых я его держал, – советуясь с ним во всём, но оставляя за собой последнее слово. И недовольство его характерно проявилось в ночь на 18 января (нов. ст.), когда он вдруг бросил работу, обидевшись на то, что я изменил редакцию одного из заготовленных им приказов Сиверсу. Он удалился с работы и засел в своём купе. Между нами последовала краткая, но характерная переписка, в которой сказалось всё его честолюбие и обидчивость. «Я не могу согласиться, чтобы меня превращали в простого писаря», – писал он, претендуя на самостоятельную роль.

На следующий же день я дал ему удовлетворение, послав его во главе специального отряда брать Полтаву...»

Из сказанного можно также понять, что вопрос о назначении Муравьёва был решён едва ли не в последний момент и по обстоятельствам, далёким от оперативной целесообразности.

¹³³ Антонов-Овсеенко указал дату по новому стилю. По старому стилю – 26 декабря.

в 8 часов вечера, они начали артиллерийский обстрел Брянского завода...»

На территории завода был образован штаб по руководству восстанием. Против 3500 красногвардейцев и солдат, симпатизирующих Советам, Рада могла выставить не более 1500 верных ей штыков, и подавить выступление до подхода Егорова они не смогли. К вечеру 27 декабря красногвардейцам удалось заблокировать в рабочем посёлке Кайдаки и принудить к сдаче часть украинских сил. В самом же городе петлюровцы¹³⁴, не прекращая обстрела Брянского завода, не оставляли попыток прорваться также и к Совету. Здание было окружено, однако взять его штурмом так и не удалось.

Едва лишь в Харькове узнали о выступлении, последовал приказ П.В. Егорову о немедленном выдвижении из Синельниково на помощь Екатеринославу. К 14 часам 28 декабря к городу подошёл советский бронепоезд. Восстанавливая под огнём разобранное местами полотно, он медленно продвигался к вокзалу. Под его прикрытием разгружалась пехота. Вскоре в тыл гайдамакам ударили московские красногвардейцы. Уличные бои, то затихая, то вспыхивая вновь, продолжались до середины дня 29 декабря. Остатки гайдамацких отрядов оставили город и с двумя орудиями заняли оборону в близлежащем лесном массиве. Не получив поддержки, они вскоре вынуждены были отойти на Киев.

30 декабря Совнарком в своей ноте УНР заявил следующее: «...прямая или косвенная поддержка Радой калединцев является для нас безусловным основанием для военных действий против Рады... и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение Гражданской войны...» Ответа из Киева не последовало. Вероятно, в Генеральном секретариате посчитали, что советские отряды, занявшие Донбасс и пробившие себе дорогу к Дону, уже добились всего оговоренного в ранее предъявленном ультиматуме и в глубь Украины не пойдут. Но в результате части, верные УНР, оказались предоставленными самим себе.

¹³⁴ Несмотря на то, что Симон Петлюра сложил с себя полномочия военного министра УНР ещё 18 декабря и более не являлся командующим Украинской армии, термин «петлюровцы» продолжал оставаться в обращении.

Их командиры не ориентировались в обстановке, не понимали даже, нужно ли оказывать сопротивление или пропускать противника без боя. Неудивительно, что организованное сопротивление на востоке страны вскоре прекратилось. Известны случаи, когда гарнизоны и отдельные части складывали оружие по одному лишь твёрдо высказанному требованию большевиков.

30 декабря Советская власть была провозглашена в Мариуполе, на следующий день – в Одессе. Впрочем, несмотря на это, двоевластие в городе сохранялось до середины января, когда на помощь Совету пришёл отряд моряков-черноморцев. Флот и Румчерод также постепенно склонялись на сторону Советов.

31 декабря 1918 г. в «Вестнике Украинской Народной Республики»¹³⁵ за подписью Е. Бош было опубликовано правительственное извещение о низложении Центральной Рады. 4 января Народный секретариат сообщил об объявлении *врагами народа* членов Генерального секретариата. Вслед за этим ЦИК Ук вынес постановление об аннулировании всех законодательных актов Рады и ликвидации её финансовых учреждений. Это было открытое объявление войны, и иначе расцениваться уже не могло.

2 января Генеральный секретариат вынужден был принять некоторые ответные меры. Было заявлено о том, что «враги УНР» будут преследоваться вплоть до применения военно-революционного суда. 5 января украинский курень сотника Шестопаля вошёл в Умань и разогнал местный ревком. При этом сам Шестопаль застрелил председателя Уманского совета Пиантковского и редактора большевистской газеты Урбалиса. В эти же дни был убит один из руководителей киевских большевиков Леонид Пятаков и при невыясненных обстоятельствах погиб на Румынском фронте Рошаль.

Весьма деятельным человеком оказался и Петлюра. Отстранённый от управления войсками, он на свой страх и риск приступил в Киеве к формированию на добровольной основе особого подразделения, так называемого «Гайдамацкого коша

¹³⁵ Такое название получил печатный орган ЦИК Ук.

Слободской Украины». Поначалу при поддержке французской военной миссии был создан лишь Первый курень в 170–180 штыков, но когда в него записалось полторы сотни киевских юнкеров, Слободский¹³⁶ кош стал одним из наиболее боеспособных подразделений УНР.

5 января сводный отряд Муравьёва в эшелонах двинулся из Харькова на Полтаву. За два-три дня до этого по приказу военного министра УНР Порша два украинских полка¹³⁷ в количестве 1800 штыков были вызваны из Полтавы в Киев¹³⁸. С ними ушёл и бронепоезд. В городе оставалось не более 600, сохранивших верность Раде, бойцов. Однако каких-либо распоряжений по организации обороны не последовало, поэтому оказать серьёзного сопротивления они не смогли.

Почти до самой Полтавы эшелоны проследовали без единого выстрела, лишь у самого города незначительный партизанский отряд «вольных казаков» пытался разобрать пути. Вечером 6 января, разгрузившись на станциях, отряды Муравьёва вошли в город¹³⁹. После непродолжительной перестрелки окру-

¹³⁶ Наименование «Слободский» знаменовало собой стремление бойцов отбить у большевиков Харьковщину – Слободскую Украину.

¹³⁷ Включая и «богдановцев».

¹³⁸ В ночь с 4 на 5 января 1918 г. они вместе с юнкерами приняли участие в частичном разоружении Красной гвардии киевских заводов «Арсенал», «Ауто», Снарядного, Демеевского, Судостроительного и др. При этом были изъяты свыше тысячи винтовок и пулемёты, арестовано до 200 человек, захвачена типография большевистской газеты «Пролетарская мысль». Проведённая акция, вне всякого сомнения, серьёзно ослабила готовившееся восстание, которое в иных обстоятельствах могло бы увенчаться успехом и без помощи извне.

Но в то же самое время Порш отдал ряд приказов, которые в конечном итоге и решили судьбу Рады. 4 января он распорядился приступить к немедленной демобилизации украинских подразделений, роспуске части Старой армии и отмене офицерских званий в армии УНР. Всё это было сделано в угоду немцам, свидетельствовало о неизбежном разрыве с союзниками и признании того факта, что Старой армии, как управляемой военной силы, больше не существует. Предполагалось за один-два месяца создать новые вооружённые силы на добровольной и платной основе. Однако, в условиях, когда Левобережье было уже потеряно Радой, Юг готов был отпасть в любой момент, а страна фактически находилась в состоянии войны, подобные директивы оставили Раду без защиты.

¹³⁹ Накануне полтавские железнодорожники прибыли в штаб к Антонову-Овсеенко, предоставив план города и расположение частей Рады. Они же провели эшелоны к Северному и Южному вокзалам.

жённые в здании своего училища юнкера сложили оружие. О масштабе «боев» говорит тот факт, что Муравьёв убитым потерял лишь одного человека¹⁴⁰.

«Подойдя к Полтаве, – вспоминает В.М. Примаков, бронепоезд... ворвался на станцию. За ним подошёл эшелон червонных казаков, которые оставив по два человека на вагон, быстро выгрузились и цепями пошли на город, катя с собой четыре пулемёта Максима. Противник встретил редким ружейным огнём наши цепи, которые быстро подошли к городу. Начался уличный бой. Атаман куреня выделил одну сотню занять почтамт и телефонную станцию, одну сотню занять Виленское военное училище и одну сотню (в сотнях было по 250 человек) для очищения города. Залпы вдоль улиц заставляли врага сдаваться или бежать, и к ночи город был очищен. Немедленно был созван Совет, который и объявил себя властью».

Если Харьков создал подразделение «червонных казаков», то Полтава поспособствовала преобразованию его в конницу. «Полтава, – пишет Е.П. Журавлёв, – оказалась не только первым, но и, прямо сказать, поворотным пунктом в боевой истории червонного казачества. Сюда Примаков пришёл со стрелками-пехотинцами, а ушёл во главе кавалеристов. С того момента красные казаки стали умножать свою славу как украинская советская конница.

Мысль о кавдивизионе возникла сразу же, как только в числе полтавских трофеев обнаружили лошадей и сёдла...

Не минуло и недели, а Примаков, оставив свой пехотный курень в Полтаве, с конным дивизионом уже дрался за Киев. Это была небольшая, всего в сто шестьдесят сабель при нескольких пулемётах, часть...»

Следует добавить, что «Конный полк червонного казачества» был сформирован в Полтаве первоначально в составе двух сотен: конной и конно-пулемётной.

¹⁴⁰ Причины столь незначительных потерь Примаков объясняет следующим: «Борьба велась за крупные центры – меньше чем губернские города или узловые станции никто не брал – это тоже привязывало к железной дороге. Большую роль в этой первой стадии гражданской войны играли бронепоезда; их значение естественно вытекает из прикреплённости войск к железной дороге. Обе стороны, не имея в достаточном числе хорошо оборудованных бронепоездов, импровизировали их, причём эта импровизация обычно сводилась к установке на платформах орудий и пулемётов и укрытию бортов мешками с песком, рельсами, шпалами и т.д. Фактически это были не бронепоезда, а подвижные, слабо защищённые и, принимая во внимание необученность прислуги, безвредные подвижные батареи. Их главное качество заключалось в том, что тяжёлый грохот орудий, удар снаряда и трескотня пулемёта действовали психологически на красногвардейца, непривычного к войне.

Тактика боя была примерна такова: впереди шёл бронепоезд за ним – эшелоны. Бронепоезд, подходя к станции, или вступал в бой с бронепоездом противника, или с короткой дистанции обстреливал станцию. За ним подходили эшелоны, выскакивали красногвардейцы и шли в наступление, развернувшись в одну или две цепи. Резервов не было, но и противник не умел

Несмотря на это, Муравьёв, крайне обеспокоенный отсутствием Егорова, неожиданно запросил у Антонова-Овсеенко разрешения разрушить мосты через Ворсклу, на что получил немедленный категорический отказ. Он пребывал в полной уверенности, что войска Рады предпримут попытку контрнаступления на Полтаву от Киева и не прочь был закрепиться и перейти к обороне на достигнутом рубеже. Муравьёв, при всей его военной подготовке и знаниях, совершенно не представлял общую оперативную обстановку и стратегические задачи. Он видел, что оказался на острие наступления с незначительными и непроверенными, в общем-то, силами, но не понимал, что войска УНР уже находятся в стадии разложения, а Советы в городах ждут лишь сигнала. Не понимал и главного: продвижение в глубь Украины могло преследовать лишь одну цель – занятие Киева и устранение Рады с политической арены¹⁴¹.

маневрировать, действовал точно таким же образом, почему редко бывали случаи флангового удара или удара в тыл. Обыкновенно, постреляв некоторое время, одна из сторон отступала до следующей станции или сразу до узлового пункта (или города).

Первый период гражданской войны отличается: примерами героизма отдельных красногвардейцев – чаще всего личный пример увлекал в наступление; большой бестолковостью сражения и небольшим числом потерь».

¹⁴¹ Антонов-Овсеенко характеризует Муравьёва следующим образом: «Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собирал их к себе в штаб и говорил с ними особым понятным для них тоном, и они преисполнялись доверия...»

Работник он был неутомимый, военное дело он знал со специальной его стороны, а ещё понимал нутром его авторитарный характер. Конечно, он был чересчур самолюбив и большой бахвал...

...Эта помпезность его усугублялась тем, что, будучи сам бессребреником, он не стеснялся средствами для достижения цели, и в случае чего, сорил деньгами, сея вокруг себя разврат...

Фанфаронство не покрывало в Муравьёве смелости, которая в нём бурлила, но я всегда опасался его политических вывертов...

...Весьма решительный перед лицом очевидной, осязаемой опасности, Муравьёв плохо разбирался в сложной обстановке широко задуманных компаний. Я ему не был обязан в этом отношении ни одной здоровой мыслью...

...Я знал поразительную упругость этого человека. От полного паралича воли он способен был в одну минуту взвиться до высшего энтузиазма...»

В условиях начала гражданской войны и только лишь разворачивавшегося военного строительства, когда права командира мало чем регламентировались и ограничивались, всё это имело немаловажное значение

Те же соображения задержали на сутки под Константиноградом¹⁴² и Егорова. По данным его разведки город защищал крупный отряд гайдамаков в 3000 штыков при 6-ти орудиях. Лишь получив помощь из Екатеринослава, он вошёл в город, где без боя разоружил батальон украинцев. 7 января отряд Егорова прибыл, наконец, в Полтаву. Муравьёв теперь уже не настаивал на подрыве мостов, ограничился лишь тем, что разобрал пути и выставил у полотна патрули.

Неожиданные сложности возникли уже по занятии Полтавы. Прибывший на экстренное заседание Совета Муравьёв, видимо, ощутил себя триумфатором и допустил очередной «выверт». «Придя на заседание Совета рабочих депутатов, – пишет Д. Эрдэ, – Муравьёв начал свою речь без обычного обращения «товарищи» и резким тоном отчеканил:

– Гражданская война началась. Гражданская война продолжается. От Балтийского до Чёрного моря, через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон – мы пройдем огнём и мечом, всюду устанавливая Советскую власть¹⁴³. Огнём и мечом мы будем уничтожать всё, что осмелится стать на нашем пути. Никому из врагов наших не будет пощады.

Это был обычный стиль муравьёвских речей...»

После этого Муравьёв, ничуть не озабоченный отсутствием каких-либо полномочий, вступил с исполкомом Совета в переговоры, о ходе которых докладывал Антонову-Овсеенко следующее: «...сообщу... важные местные политические известия, а вернее сказать, переговоры местного Исполнительного Комитета... со мной. Они прежде всего спросили меня, с какой целью я к ним прибыл с войском, и заявили, что они хотят сделать Полтаву нейтральной, как в отношении нас, так и к Киевской Раде. Просили меня немедленно оставить пределы города и с тем же самым послали делегацию кдвигающимся, якобы,

¹⁴² Ныне г. Красноград.

¹⁴³ Любопытно, что всё это говорил человек, готовый отдать приказ о взрыве мостов через Ворсклу. Лондон и Париж упоминались лишь в далёких не только от сложившейся обстановки, но и от здравого смысла, полных похвалы выступлениях. Реальное же продвижение, как видно, Муравьёвым дальше Полтавы не планировалось.

войскам Киевской Рады на нас. Я ответил им, что мы пришли сюда восстановить поправленную Советскую власть на Украине, в частности в Полтаве, что Полтава, кроме того, является угрозой нашему стратегическому плану, пропуская мимо нас и посылая на нас бродячие шайки гайдамаков и украинские войска и тем способствуя контрреволюционным замыслам Каледина, чего ни в коем случае мы допустить не можем.

Когда я задал вопрос, признаёте ли вы Харьковскую Народную Раду, то они мне ответили, что не признают, так же, как и Киевскую. Тогда я им сказал, что мы не уйдём, пока вы не признаете истинной народной Харьковской Рады, и что мы не можем оставлять город, пока здесь не будет утверждена истинная народная власть, идущая в контакте с Харьковской Народной Центральной Радой...»

Как видно, Муравьёв весьма смутно представлял себе структуру Советской власти и субординацию среди отдельных её звеньев. Во всяком случае, о руководящей роли ЦИК Ук практически не упоминал и, судя по всему, считал если не естественной, то вполне допустимой едва ли не полную независимость городских Советов от Центра.

У Антонова-Овсеенко хватило такта сразу же сгладить возможный конфликт с Народным секретариатом, не уязвляя по возможности самолюбия Муравьёва. Он лишь посоветовал последнему впредь «не делать никаких политических заявлений, а предоставить выступить представителю Украинской власти или заявить себя исполняющим его волю». Также в Полтаву в помощь Муравьёву был направлен отряд харьковской Красной гвардии в 150 штыков во главе с Беленковичем¹⁴⁴, которому вскоре и удалось всё уладить.

Сложнее оказалось с Советом. 7 января им была принята резолюция, в которой пусть и весьма уклончиво, но всё же высказывалось неодобрение в адрес Центральной Рады и приветствие Харьковскому правительству¹⁴⁵. Но тут же солдатская

¹⁴⁴ По прибытии Беленкович был назначен военным комендантом Полтавы.

¹⁴⁵ В тот же день эта декларация была распечатана в № 5 «Вестника».

секция Совета вынесла другую резолюцию, ЦИК Ук не признающую. Перед самым прибытием отряда Егорова Муравьёв докладывал: «...продолжаю закреплять своё положение в Полтаве. Сегодня думаю закончить разоружение многочисленного Полтавского гарнизона. Здесь происходит пьяная вакханалия, начавшаяся с приходом нас, по-видимому, умышленно, причём некоторые наши красногвардейцы позволяли себе этот позор. Я приму жестокие меры к прекращению этого зла... Совет забаррикадировался, окружив себя артиллерией и пулемётами. Я предложу им выдать оружие, в противном случае употреблю силу, дабы разоружить, не трогая пока совета...»

До вооружённого столкновения дело, конечно, не дошло. Муравьёв, успевший приобрести у украинцев не лучшую репутацию, ушёл с частями к Киеву. Прибывшие в город представители Народного секретариата сумели убедить «полтавских товарищей», что в одиночку просуществовать не удастся и куда разумнее власть ЦИК Ук, подкреплённую куда большим количеством штыков, всё-таки признать.

Вся эта неприглядная история заслуживает быть упомянутой, прежде всего потому, что даёт наглядное представление как о состоянии дел в советских отрядах, так и о ситуации, сложившейся в городах Украины в первых числах января 1918 г.

Общее наступление на Киев, между тем, постепенно разворачивалось. 12 января колонна Васина¹⁴⁶ выдвинулась, наконец, из Брянска, но, дойдя до Кролевца, обнаружила в городе гайдамаков и остановилась. Завязли под Конотопом и Бахмачем и отряды Берзина. Антонов-Овсеенко предложил Кудинскому лично возглавить войска, действовавшие в районе Конотопа.

Не оправдал надежд отряд замоскворецких красногвардейцев. Знаменский докладывал из Ворожбы, что обещанной поддержки не получил и дальше Путивля продвинуться не может. Лишь Муравьёв сумел добиться очевидного успеха. 11 января его отряд, продвинувшись по железной дороге, занял без боя Ромодан. К чести Муравьёва, он оценил стратегическое значение занятой узловой, куда сразу же и переехал со штабом для

¹⁴⁶ Был начальником штаба у Кудинского.

оперативного руководства войсками. В тот же день начальник штаба Муравьёва Казюра сообщил о занятии Кременчуга и разоружении не оказавших сопротивления украинских частей.

По направлению к Киеву вдоль железной дороги был направлен незначительный отряд, по существу, разведка. Проследовав через Лубны и заняв Гребёнку, красногвардейцы вынуждены были остановиться¹⁴⁷. Полученные известия о неопределённых настроениях 58-го украинского полка, расквартированного в Лохвице, а также, выявленное к этому времени скопление гайдамаков в районе Конотоп – Нежин заставило Муравьёва отказаться от немедленного продвижения к Киеву и повернуть часть сил на север. Впрочем, в эти дни он был неумолим и успевал всюду и везде.

15 января Рославльский отряд при поддержке рабочих дружин занял Конотоп. На следующий день после ожесточённого боя был взят Бахмач¹⁴⁸. Из города Муравьёв докладывал о том, что установлена, наконец, связь с Берзиным, продвигавшимся от Гомеля¹⁴⁹. В тот же день Антонов-Овсеенко назначил Муравьёва главнокомандующим всеми войсками, действовавшими против Рады. Таким образом, ему официально были подчинены не только Егоров, но также и Берзин с Кудинским.

О своих дальнейших планах, которым нельзя отказать в решительности и оперативной целесообразности, Муравьёв докладывал Антонову-Овсеенко и в Совнарком: «...наконец, подошли ко мне отряды Берзина и Кудинского, с которыми сговорился, и они мне подчинились. Весь свой обширный фронт разделил на три армии; войска Берзина составляют 2-ю, войска Егорова 1-ю, войска Кудинского 3-ю. Авангарды армии Берзина под Нежином, авангарды армии Егорова около Березани, на линии Гребёнка – Киев, 3-я армия Кудинского сосредоточивается в Конотопе, она идёт на Киев через Черкассы – Бобринскую – Цветково и Фастов,

¹⁴⁷ Западнее Гребёнки вскоре завязался бой с гайдамаками, но станция в итоге осталась в руках красногвардейцев.

¹⁴⁸ В бою под Бахмачём был разбит считавшийся лучшим среди «именных» полк имени Дорошенко. Он потерял до 200 бойцов и 4 орудия.

¹⁴⁹ В отряде Берзина было до 3000 солдат и 400 матросов при 12-ти орудиях.

дабы объединиться со всеми революционными войсками на правом берегу Днепра и ударить на Киев с запада...

Теперь о наших тыловых базах: для 2-й армии – Бахмач – Конотоп; для 1-й – Гребёнка и Полтава; для 3-й – Черкассы – Конотоп. Между командующими полное установилось согласие».

Перед лицом окончательного развала и надвигающейся военной катастрофы, Рада вынуждена была пойти на экстренные меры. Киев объявлялся на осадном положении¹⁵⁰, а осуществлять общее командование войсками на левом берегу Днепра было предложено Петлюре. Считающихся украинизированными частей в гарнизонах оставалось ещё немало, но большинство солдат воевать за Раду отказывались категорически. Рассчитывать в этих условиях можно было только на себя.

Гайдамацкий кош Петлюры погрузился в эшелоны на станции Киев-товарная и проследовал на восток. На пригородной станции Дарница дислоцировался артиллерийский дивизион, разложившийся совершенно. Артиллеристы отказались выступать на фронт и заявили о самороспуске. Юнкерам не составило особого труда изъять прямо на путях 12 орудий со снарядами¹⁵¹. То же повторилось и в Яготине. Солдаты гарнизона не скрывали, что ожидают большевиков, и по их прибытии готовы немедленно разойтись по домам. Не задерживаясь, Гайдамацкий кош проследовал дальше и разгрузился на станции Кононовка. Там собрались все те, кто готов был сражаться за Левобережье до конца. Чёрные и красные гайдамаки¹⁵², киевские юнкера, сечевые стрельцы – всего до 1800 штыков при 8 орудиях. С этими силами Петлюра рассчитывал перейти в контрнаступление, отбить вначале Гребёнку, а при удачном стечении обстоятельств, и Полтаву.

Другой отряд киевских добровольцев в 450 штыков¹⁵³ при

¹⁵⁰ Власть в городе была передана особому коменданту инженеру М. Ковенко. Он же являлся и командиром киевских отрядов вольных казаков.

¹⁵¹ Часть из них юнкера взяли с собой, часть отправили в Киев.

¹⁵² Наименование – по цвету шляка, соответственно, чёрного (у юнкеров) и красного (у солдат-фронтовиков).

¹⁵³ В отряд входили студенческая сотня из учащихся Народного университета и Университета Святого Владимира, добровольцы 1-й юнкерской школы и гайдамаки так называемого «Куреня смерти».

одном орудии и шестнадцати пулемётах выдвинулся к Крутам. У этого города с 15 января и развернулись бои, решившие в конечном итоге судьбу Левобережья. Вначале на Круты наступал Егоров. Позже подошёл и Берзин. Подавляющее численное превосходство предопределило успех советских войск. К середине дня 16 января петлюровцы были смяты. Общие потери составили до 150 человек. Остатки отряда погрузились в эшелон и утром 17 января прибыли на станцию Бобрик. «Курень смерти», также понесший немалые потери, продолжал прикрывать Черниговскую железную дорогу. Гимназистов и юнкеров Петлюра вынужден был направить в Киев, где разгоралось восстание рабочих.

В эти же дни 1100 человек харьковских и донецких красногвардейцев атаковали оборонявший Кононовку отряд петлюровцев в 180 штыков. Станция была окружена, но стрельцам и гайдамакам удалось погрузиться в эшелон и, взорвав за собой железнодорожный мост, выехать в Яготин. К этому времени был получен приказ, всем боеспособным частям немедленно вернуться в Киев для борьбы с восставшими. 18 января под Яготин прибыл со штабом Муравьёв. На рубеже реки Трубеж завязалась перестрелка, после чего гайдамаки взорвали два моста, что задержало дальнейшее продвижение советских отрядов ещё на три дня. В этом районе войска Муравьёва вошли в соприкосновение с частями Чехословацкого корпуса, которые заявили о своём нейтралитете и впоследствии беспрепятственно пропустили их к Киеву.

Продвижение Советской власти по югу Украины в эти дни действительно было триумфальным. 13 января Советы перешли в наступление в Одессе. Отряды Красной гвардии при поддержке части солдат гарнизона заняли телеграф, вокзал, почту, банк, арсенал и штаб Округа. На следующий день командование частей, сохранивших верность УНР, предъявило красногвардейцам ультиматум с требованием немедленно освободить занятые объекты. Предлагалось после этого передать власть коалиционному городскому управлению, в которое вошли бы как советские работники, так и представители Рады. Ультиматум

остался без ответа, и утром 15 января началось общее наступление украинских войск, которое принесло им определённый успех. Советские части постепенно были вытеснены из большинства городских кварталов. Но тут им на помощь прибыли отряды черноморских моряков, поддержанных огнём крейсера «Ростислав» и бронепоезда. 17 января части УНР предложили заключить перемирие, которое было принято. Согласно подписанному договору петлюровцы должны были покинуть город. Часть их рассеялась, сохранившие строй и дисциплину остатки войск УНР были остановлены и разоружены одним из советских отрядов на станции Раздельная.

15 января в Елисаветград¹⁵⁴ вошёл анархистский отряд Маруси Никифорой и до трёхсот солдат. При поддержке местных красногвардейцев они разоружили подразделения вольных казаков и юнкеров и арестовали чиновников УНР. В тот же день была провозглашена Советская власть и в Николаеве. Лишь Херсон сохранял «нейтралитет» ещё несколько дней.

От Екатеринослава продвигались постепенно в глубь Центральной Украины всё новые и новые эшелоны Красной гвардии. Заняты были Верховцево, Користовка, Знаменка. У станции Бобринская гайдамаки оказали некоторое сопротивление, но изменить что-либо это уже не могло.

Вновь проявил некоторую активность и 2-й Гвардейский корпус. К 10 января им были заняты Винница и Вапнярка. Тогда же части Отдельной и XI армий, направлявшиеся с фронта из района Проскурова на восток, вошли в Шепетовку и Жмеринку. Однако развернуть дальнейшее наступление на Киев они были уже не в состоянии. Солдаты в массовом порядке расходились по домам.

К середине января Рада ещё удерживала в своих руках восточные подступы к столице Украины, район западнее Киева и обширные области Правобережья. В самом Киеве и окрестностях удалось постепенно сосредоточить до 10–15 тысяч штыков и сабель. И, несмотря на череду поражений и территориальных потерь, казалось, исход борьбы всё ещё не был предрешён.

¹⁵⁴ Ныне г. Кировоград.

Однако случилось то, чего многие ожидали ещё со дня занятия Полтавы. Все планы по обороне города разом перечеркнуло Киевское восстание.

8.3.4.5. Январское восстание

В первых числах января в Генеральном секретариате вышло постепенно понимание того факта, что с занятием советскими войсками Донбасса ситуация изменилась кардинальным образом, и никак не реагировать на это, в том числе, на законодательном уровне, далее уже невозможно. К тому же требовалось подготовить все необходимые юридические документы для подписания мирного договора с немцами.

Эти задачи и должен был решить принятый 9 января и утверждённый пленумом исполкома Рады 12 января IV Универсал. В нём, наряду со статьями экономического блока, в частности констатировалось и оглашалось следующее:

- Украина находится на пороге экономической и политической катастрофы;
- война УНР с Советской Россией стала свершившимся фактом; вся вина за развязывание военных действий возлагается Радой на Совет Народных Комиссаров¹⁵⁵;

¹⁵⁵ «...Петроградское правительство народных комиссаров, – говорилось в документе, – чтобы подчинить своей власти свободную Украинскую Республику, объявило войну Украине и направляет на наши земли свои войска красногвардейцев-большевиков, которые отбирают хлеб у наших крестьян... убивают неповинных людей и сеют вокруг неустройство, преступность и бесчинства.

Мы, Украинская Центральная рада, сделали всё возможное, чтобы не допустить этой братоубийственной войны двух соседних народов, но Петроградское правительство не пошло нам навстречу и продолжает вести кровавую борьбу с нашим народом и Республикой.

Кроме того, само Петроградское правительство народных комиссаров начинает затягивать мир и призывает к новой войне...

...Что же касается так называемых «большевиков» и иных злодеев, которые грабят и разоряют наш край, то наказываем правительству Украинской Народной Республики твёрдо и решительно повести борьбу с ними, а всех граждан нашей республики призываем: не жалея жизни, защищать благополучие и свободу нашего народа.

Народное Украинское государство неизбежно будет вычищено от посланных из Петрограда наёмных насильников, которые топчут права Украинской Республики...»

- Совнарком также затягивает мирные переговоры с немцами, что для УНР неприемлемо;
- Украинская Народная Республика объявляется независимым, свободным, суверенным государством;
- власть в стране принадлежит народу Украины; до созыва Украинского Учредительного собрания властные функции будет исполнять Рада и её верховный орган – Рада Народных Министров;
- с этого дня правительству Республики предписывается переговоры о мире с Центральными державами проводить самостоятельно и довести их до конца, не обращая внимания на любые подстрекательские действия «каких-нибудь иных частей бывшей Российской империи»;
- также правительству поручается твёрдо и решительно вести борьбу за отстаивание провозглашённого суверенитета, а все граждане призываются защищать страну.

Провозглашение Украины независимым суверенным государством, вне всякого сомнения, должно было помочь и помочь украинской делегации на завершающей стадии переговоров с немцами. Что касается остального, то время было упущено безвозвратно. Статьи Универсала возможно и сплотили всех тех, кто несмотря ни на что всё ещё готов был отстаивать Раду с оружием в руках. Но в не меньшей степени консолидировали их противников. И в этом смысле принятие IV Универсала подтолкнуло и ускорило события, которые его разработчики желали если не предотвратить, то, во всяком случае, задержать и отодвинуть на возможно более длительный срок.

Завод «Арсенал» всегда являлся предметом головной боли для киевских властей. Рабочие были распропагандированы, симпатизировали не только Советам, но и большевистской организации и с октябрьских дней во всех выступлениях шли в первых рядах. На территории завода, напоминавшей крепостное укрепление, был создан военно-революционный штаб. Здесь же формировались отряды Красной гвардии.

Ещё 4 января отряд «вольных казаков» коменданта Ковенко